

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Автор Илья Гурин.

Эпизоды 1 Джокер.
Мой путь героя

18+

Алиса AI

Илья Гурин

Мой путь героя.

Эпизод 1 Джокер

<https://litres.ru/74101764>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алоха Калани было семнадцать, когда он отказался от всего.

Звезда группы «Золотая Колода», победитель мирового чемпионата — он ушёл со сцены на пике славы. Его Код Реальности — «Абсолютная Копия», редчайший тип Аномалии: он может скопировать любого человека, но не может быть собой. У него нет своего лица.

Он решает стать героем, чтобы помочь семье выбраться из бедности. Но сначала — год подготовки под руководством бабушки Кахи, легендарного врача скорой помощи, которая материт даже Героя 1 и учит внуков на настоящих трупах в морге. Её задача — сломать внука раньше, чем его сломает реальность.

История о танцоре без лица, который решил стать героем. О семье, где любовь — это крик «не смей умирать». И о том, что лицо — это не внешность. Это то, что ты делаешь.

В тексте присутствует обценная лексика, отражающая речевую характеристику персонажей.

Содержание

Глава	4
ДИСКЛЕЙМЕР	5
Глава первая: Математик, увидевший Бога.	7
Глава вторая: Джокер в колоде	15
Глава третья: Свобода с фингалом	24
Глава четвёртая: Бабушка с Гавайев и долбаный вторник	38
Глава пятая: Дом, где пахнет цветами и правдой	50
Глава шестая: Эксперимент 626 и разговор на кухне	62
Глава седьмая: Двести тридцать тысяч причин для гордости	71
Глава восьмая: Воскресни, бабушка, воскресни	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Илья Гурин
Мой путь героя.
Эпизод 1 Джокер

Глава

ДИСКЛЕЙМЕР

Перед прочтением, пожалуйста, ознакомьтесь со следующими предупреждениями.

1. Ненормативная лексика.

В тексте присутствует обсценная лексика (маты). Она используется персонажами в стрессовых, комических и бытовых ситуациях и является частью их речевой характеристики, а не средством оскорбления читателя.

2. Жестокие и натуралистичные сцены.

Книга содержит описания медицинских процедур, травм, ранений, анатомических деталей, работы судмедэкспертов и патологоанатомов, а также сцены в морге и хосписе. Всё это подаётся в образовательном и сюжетном контексте, как часть подготовки героев, но может быть тяжело для восприятия чувствительными читателями.

3. Персонаж Алоха Калани.

Главная героиня в силу фантастического допущения (Код Реальности «Абсолютная Копия», тип — Аномалия / Глитч) не имеет собственного биологического пола, лица и тела. Она существует исключительно, как копия других людей. Эта особенность характера и сюжета не является метафорой трансгендерности, не относится к ЛГБТ-повестке и не направлена на продвижение какой-либо идеологии. Это исключительно фантастический элемент, исследующий вопро-

сы самоидентификации в мире супер способностей.

4. Культурные отсылки.

Все упоминания существующих персонажей, произведений, торговых марок и объектов интеллектуальной собственности (включая, помимо прочего, «Лило и Стич», «Моя геройская академия», «Гарри Поттер», «Наруто» и др.) являются культурными отсылками и дружеским приветствием. Они используются в культурном контексте и не претендуют на владение, нарушение авторских прав или коммерческую эксплуатацию.

5. Возрастной рейтинг.

Рекомендуется для читателей от 16 лет ввиду вышеуказанных особенностей текста.

Спасибо за понимание и приятного чтения.

Глава первая: Математик, увидевший Бога.

Это случилось не в один день и не в одном месте. Это было как тихий рассвет, который сначала замечают только самые чуткие, а потом он ослепляет всех.

В конце XXII века мир столкнулся с необъяснимым. Дети, рождающиеся по всему земному шару, начинали проявлять феномены, которые наука была бессильна описать, а здравый смысл — принять.

В Токио трёхлетний мальчик заставил воду в ванной закипеть одним взглядом. Он не злился, ему просто было скучно ждать, пока мама нальёт горячую.

В Лагосе девочка прошла сквозь стену своей спальни, перепугав родителей до полусмерти. Она просто хотела достать мяч, укатившийся во двор, но дверь была заперта.

В Мехико близнецы общались телепатически на расстоянии километра, не подозревая, что остальные люди не слышат голосов друг друга в голове.

В Москве младенец парил над своей кроваткой, окружённый сиянием, которое не могли зафиксировать ни спектрометры, ни камеры ночного видения. Электромагнитного излучения не было, а свет был.

Их называли по-разному: «чудесные дети», «аномалии», «пробуждённые», «божьи дети». Наука разводила руками. Религия видела в этом знамение скорого Апокалипсиса. Политика — угрозу существующему порядку вещей.

Никто не знал главного: что эти дети не просто «обладают способностями». Они стали первыми, кто бессознательно научился переписывать Код Реальности.

В небольшом исследовательском центре в Цюрихе, спрятанном от посторонних глаз за зеркальными окнами старого банковского квартала, работал человек, которому суждено было изменить всё.

Доктор Элиас Фон Нейман — потомственный математик, гений, которого при жизни сравнивали с Эйнштейном, Ньютоном и фон Нейманом-первым одновременно. Он не был носителем. У него не было способностей. У него никогда не получалось заставить чайник вскипеть быстрее или сдвинуть карандаш на столе. У него был только его ум — острый, как скальпель, и одержимость, граничащая с безумием.

Фон Нейман потратил десять лет, изучая «феномены» носителей. Он не верил в магию. Он верил в цифры. Он собирал данные: видео с камер наблюдения, показания свидетелей, медицинские карты, электромагнитные шумы в момент «чуда». Он строил модели, искал закономерности, отвергал одну теорию за другой.

И однажды ночью, когда его квантовый компьютер анали-

зировал миллиарды параметров поведения аномальных действий, он увидел. Не глазами — разумом.

Цифры.

Они сложились.

Мир, вся вселенная, каждый атом, каждый фотон, каждая мысль — всё это было описано в элегантной, безупречной математической структуре. Это был не хаос. Это был Код. Грандиозная программа, работающая на невообразимых вычислительных мощностях, где материя — это данные, а время — процессорный такт.

А способности носителей... они были не «чудесами». Они были ошибками компиляции. Багами. Исключениями в идеально отлаженной системе. И, что самое важное, — инструментами для редактирования.

Фон Нейман понял: носители не создают что-то из ничего. Это невозможно по законам сохранения Кода. Они переписывают существующие строки. Девочка, проходящая сквозь стену, временно удаляет Код, отвечающий за твёрдость материи, присваивая этой области свойство «Null». Мальчик, кипятящий воду, переписывает температурные параметры жидкости с 25 градусов на 100, просто глядя на неё. Близнецы-телепаты — читают и передают Код сознания друг друга, как открытые файлы по локальной сети.

Он назвал это открытие «Код Реальности» (Code of Reality). А способности — «Кодами» или «Функциями».

Его работа была опубликована под скромным, но оглуши-

тельным заголовком: «Математическая структура мироздания: Вселенная как вычислительный процесс».

Мир никогда не стал прежним.

Эра Кода Реальности

Открытие Фон Неймана породило новую эру в истории человечества. Если мир — это Код, значит, его можно изучать. Его можно классифицировать. Его можно взломать. И, самое главное, — научить людей его осознанно переписывать.

Первые академии появились в течение десятилетия. Учёные, философы, военные, корпорации — все хотели заполучить ключи от мироздания. Началась новая «гонка вооружений», только оружием были не бомбы, а люди.

Носителей больше не боялись. Их изучали. Их тестировали. Их классифицировали. И вскоре стало ясно: все Коды, все способы переписывать реальность, подчиняются определённой логике. Как и в любом языке программирования, здесь были свои синтаксис, классы и методы.

Так родилась Классификация Кодов Реальности — семь типов, семь способов взаимодействия с фундаментальной программой вселенной.

Семь типов Кода Реальности

1. Усиление (Форсинг)

Переписывает Код собственного тела, временно увеличи-

вая физические или ментальные параметры до сверхчеловеческого уровня.

Носитель находит в Коде своего тела «ограничители» — защиту от перегрузки мышц, боли и разрушения костей — и временно их отключает или перенастраивает. Это не мутация, это «оверклокинг» человеческого процессора.

2. Разрушение (Коррупция)

Переписывает Код материи или энергии, вызывая их распад, деградацию или уничтожение.

Носитель «взламывает» структурный Код объекта, заставляя его выполнять деструктивные функции: железо забывает, что оно твёрдое, молекулы воздуха перестают держаться друг за друга. Самый опасный и прямой тип Кода.

3. Созидание (Генезис)

Переписывает «пустой» Код пространства, создавая из него новую материю, энергию или простые формы жизни.

Носитель находит в Коде вакуума «неопределённость» — бесконечное поле нулей, ожидающих значения — и заполняет её параметрами желаемого объекта. Это требует колоссальных вычислительных затрат психики.

4. Контроль (Доминатор)

Переписывает Код внешних объектов (стихий, предметов, живых существ), подчиняя их своей воле.

Носитель временно заменяет «свободный» Код объекта своим собственным управляющим Кодом. Вода перестаёт быть водой и становится продолжением руки носителя. Че-

ловек перестаёт думать свою мысль и выполняет команду.

5. Вспомогательный (Сахар)

Переписывает Код, обеспечивая поддержку, анализ, исцеление или перемещение, не нанося прямого урона.

Носитель переписывает «вспомогательные» параметры реальности — информацию, время, пространство, биологические процессы. Он не ломает стену (Коррупция), он ускоряет время, чтобы стена сама рассыпалась в пыль. Он исцеляет, откатывая Код клетки к здоровой версии.

6. Мутация (Морф)

Постоянно или временно переписывает Код собственного тела, наделяя его новыми, нечеловеческими свойствами.

Носитель «переустанавливает» биологический Код, заменяя человеческие параметры на иные: стальная кожа, крылья, жабры, ночное зрение. В отличие от Усиления, это не временный разгон, а смена архитектуры.

7. Аномалия (Глитч)

Не просто переписывает Код — существует как ошибка в самом Коде Реальности. Нарушает законы логики, причинности и самой реальности.

Носитель не переписывает Код — он является багом, который невозможно полностью объяснить, контролировать или предсказать. Он может быть в двух местах одновременно не потому, что создал копию (Генезис), а потому что реальность «зависла», не зная, где именно он должен находиться. Классификация Фон Неймана присваивает этому типу седь-

мой номер, но сам учёный в черновиках называл этот раздел «Ошибка 404: Логика не найдена».

Фон Нейман не дожил до того, чтобы увидеть расцвет своей теории. Он умер через три года после публикации, окружённый почётом и спорами. Говорили, что его мозг просто перегрелся от осознания масштаба открытия. Другие шептались, что его убрали те, кто не хотел, чтобы человечество знало правду. Но его работа стала фундаментом новой эры.

Эра Кода Реальности принесла человечеству не только знания. Она принесла Злодеев, использующих Коды для власти и хаоса. И Героев, защищающих от них мир. Появились Кодеры — те, кто не имел врождённых способностей, но с помощью сложнейших устройств научились взламывать реальность грубой силой алгоритмов.

Мир изменился навсегда. И теперь каждый ребёнок, рождающийся с Кодом, — не чудо и не проклятие. Он — часть великой математической симфонии, которую человечество только начинает учиться читать. Или, как любил говорить один старый математик в очках с толстыми линзами: «Всего лишь очередная строка кода в грандиозной программе. Но от одной пропущенной точки с запятой рухнет всё здание».

«Всё есть число. Всё есть Код. И те, кто умеет его переписывать, держат в руках ключи к самой реальности».

— Доктор Элиас Фон Нейман, «Математическая структу-

ра мироздания», 2189 год.

Глава вторая: Джокер в колоде

Прошло двести лет.

Мир, который знал доктор Элиас Фон Нейман, исчез, растворился в шуме квантовых процессоров и гуле парящих городов. 2190 год стал нулевым годом новой эры — Эры Пробуждения. А сейчас на календаре значился 2391-й, и Код Реальности больше не был тайной, секретом или проклятием.

Он стал бытом.

Пятьдесят пять процентов населения Земли рождались с активной Функцией. Это не делало их избранными. Это делало их обычными. Сосед сверху, который поджаривает тосты пирокинезом, потому что сломалась кухонная панель. Учительница геометрии, рисующая идеальные трёхмерные фигуры прямо в воздухе с помощью Генезиса. Парень в метро, ускоряющий своё восприятие (Сахар), чтобы успеть прочитать книгу за три остановки. Никто не падал в обморок при виде левитации. За это штрафовали.

Закон «О гражданском порядке в местах скопления людей» — или просто «Закон о громких Кодах» — был вбит в голову каждому с детства. Использование Коррупции, Усиления выше второго уровня или масштабного Контроля в общественных местах каралось огромным штрафом или административным арестом. Мир научился жить с суперспособ-

ностями, нацепив на них узду законов и социальных норм.

Мир стал технологичным до предела. По улицам Новой Гвинеи (которая после затопления старой стала гигантским архипелагом-мегаполисом) скользили автономные такси под управлением ИИ «Аврора-7». Роботы-ассистенты модели «Батлер-K11» разносили кофе и следили за чистотой тротуаров. А главное — появилась официальная профессия: Герой.

Герои были не просто обладателями сильных Кодов. Это были лицензированные специалисты по чрезвычайным ситуациям, прошедшие строжайший отбор в Академиях Реальности. Их работа — ловить тех, кто использует Коды во вред, усмирять «Глитчи» (дикие выбросы Кода у новорожденных носителей) и устранять последствия неудачных взломов реальности. Это была работа, грязная, опасная и очень престижная.

Но были и те, кто не хотел быть ни героем, ни офисным клерком. Они выбирали сцену.

Новая Гвинея. «Колизей Гармонии». Глубокий вечер.

Крупнейшие международные соревнования по Код-Арт-Танцу. Сотни тысяч зрителей на трибунах, миллиарды — у голографических экранов по всему миру. Здесь в танце можно было использовать свой Код как часть представления. Это был не просто танец. Это была симфония движения и взлома реальности. Искусство, где тело и Функция сливались в единое целое.

На сцену только что вышли Нефритовые Девы. Пять девушек из Шанхая, чей Созидающий Код превратил сцену в цветущий сад из живого нефрита. Публика ревела. Их выступление было безупречным, математически выверенным, как и всё, что создавали носители Генезиса. Судьи поставили 9.8, 9.7, 9.9. Фантастический результат.

Следующими шли Громовой Рок — четверо норвежцев, использующих Коррупцию звука и Усиление. Их танец был похож на землетрясение. Они разрывали тишину, заставляя молекулы воздуха вибрировать с такой силой, что у зрителей в первых рядах закладывало уши, несмотря на защитные поля ИИ. Главные конкуренты.

И вот, когда пыль после их выступления осела, свет в «Колизее» погас полностью. Наступила идеальная, бархатная темнота.

Из динамиков полилась музыка — медленная, тягучая джазовая композиция с потрескиванием винила. Свинг 1920-х, смешанный с современными басами. В центре сцены зажёгся одинокий прожектор, выхватив из мрака летящую игральную карту. Пиковый туз.

Золотая Колода.

Они вышли из теней, словно призраки сухого закона и старых гангстерских фильмов. Чёрное, белое, серебро, жемчуг.

Туз шёл первым. Чёрный костюм в тонкую полоску сидел как влитой, шляпа-федора скрывала половину лица, оставляя видимой только тонкую, холодную улыбку. Его перстень

с пикой тускло блестел в полумраке. Вокруг него, словно живые, кружили пятьдесят две карты. Они не просто летали — они танцевали вальс. Он поднял руку, и колода рассыпалась веером за его спиной, создав гигантский ореол. Телекинез. Идеальный контроль. Ни одна карта не дрогнула без его воли.

За ним, оставляя за спиной шлейф инея, двигался Червовый. Высокий, бледный, в длинном чёрном пальто. Уроженец Якутии, он принёс с собой частицу вечной мерзлоты. Когда он сделал первое па, с потолка «Колизея» повалил густой, невероятно красивый снег. Но он не был холодным. Снежинки, созданные его Функцией, таяли в сантиметре от кожи зрителей, оставляя лишь ощущение волшебства. Он двигался резко, порывисто, как вьюга, но каждое его движение было невероятно пластичным. Снегопад.

Следом, ломая все законы анатомии, вывернулся Трефовый. Его клетчатый костюм и котелок сияли под софитами. Он прошёлся колесом, выгнул спину так, что голова оказалась между пяток, а потом сложился пополам и проскользнул сквозь хрустальный обруч, который держал Туз. Зал ахнул. Резиновое тело. Это было не просто смешно, это было завораживающе красиво. Он улыбался своей голливудской улыбкой, заражая зал энергией Бруклина.

И, наконец, Бубновый. Бразилец взмыл в воздух без всякого предупреждения. Его белый костюм контрастировал с красно-синими перьями, вплетёнными в волосы. А потом он

расправил крылья. Огромные, как у попугая Ара, они возникли из ниоткуда — Генезис, смешанный с Мутацией. Он сделал пируэт под потолком сцены, и ветер от его крыльев пронёсся по первым рядам, взметнув волосы зрителей. Визг восторга перекрыл музыку. Гарпия.

И была тень. Пятая фигура. Джокер.

Он стоял в стороне, в маске цвета старого жемчуга, в таком же котелке, как у Трефового. Зрители его почти не замечали, пока не началась основная часть номера.

Танец достиг крещендо. Туз взмахнул рукой, и карты выстроились в гигантскую рамку вокруг четвёрки танцоров. Червовый закружился в своём снежном вихре. Трефовый изогнулся в немыслимую дугу. Бубновый парил над ними, осыпая сцену перламутровыми перьями. Музыка гремела.

И в этот момент Джокер шагнул вперёд.

Он коснулся плеча Трефового — и на сцене стало два идеально гибких танцора в клетчатых костюмах. Они синхронно исполнили самый сложный брейк-данс элемент.

Он скользнул к Червовому, на секунду прижавшись к его спине — и вот уже два ледяных красавца кружатся в метели, создавая симметричный узор из снега.

Он взлетел к Бубновому, и когда их руки соприкоснулись, над сценой расправились две пары красно-синих крыльев. Две Гарпии парили в лучах света, зеркально отражая движения друг друга.

И наконец, финал.

Джокер остановился перед Тузом. Вся группа замерла в эффектных позах. Снег повис в воздухе. Карты застыли. Крылья замерли в полувзмахе.

Джокер медленно поднял руки к своей жемчужной маске. Зал затаил дыхание. Никто и никогда не видел лица пятого участника Золотой Колоды. Ходили слухи, что под маской — шрамы. Или что он слеп. Или что он вообще не человек, а сбой Кода.

Он снял маску.

Под ней было лицо Туза. Та же холодная улыбка, те же пронзительные глаза, та же родинка над левой бровью. Идеальная копия.

Два Туза стояли друг напротив друга. Оригинал поднял руку, и копия-Джокер подняла руку синхронно. Оригинал подбросил колоду, и копия подбросила колоду.

Зал взорвался. Такого не ожидал никто.

Судьи подняли таблички.

10.0. 10.0. 10.0.

Абсолютный триумф.

За кулисами Нефритовые Девы стояли с каменными лицами. Их идеальный Генезис померк на фоне этого карнавала эмоций. Они были техничны. Золотая Колода была живой.

Громовой Рок просто молча развернулись и ушли в свою гримёрку. Лидер группы, огромный бородатый норвежец с Кодом «Звуковой Молот», на прощание так грохнул кулаком

по стене, что по бетону пошла трещина. Их обошли. Жёстко и красиво.

А в гримёрке Золотой Колоды царил хаос счастья.

— Мы сделали это! — орал Бубновый, хлопая крыльями и едва не сшибая лампы. — Я же говорил! Говорил, что пируэт под сорок пять градусов порвёт зал!

— Твои перья до сих пор у меня в костюме застряли, — проворчал Червовый, вытряхивая красные пушинки из рукава пальто. Но на его обычно ледяном лице играла тёплая улыбка.

— А этот момент с двумя Тузами! — Трефовый хлопнул Джокера по плечу. — Чувак, это был гениальный ход! Судьи чуть со стульев не попадали!

Туз стоял у зеркала, поправляя перстень. Он не улыбался, но в его глазах читалось глубокое удовлетворение. Холодное, расчётливое. Контроль. Он получил то, что хотел. Мечта всей его жизни осуществилась.

— Мы — лучшие, — тихо сказал он, и его голос перекрыл шум. — Сегодня мы вошли в историю.

Группа замерла, глядя на своего лидера. Да, они сделали это. Они добились мечты. Впереди были контракты, мировая слава, турне по всем континентам. Жизнь, о которой они грезили, репетируя в обшарпанном подвале пять лет назад.

Посреди этого ликования Джокер стоял чуть в стороне, прислонившись спиной к стене. Он снова надел свою жемчужную маску. Его лицо опять было скрыто.

Он смотрел на них. На Туза, одержимого контролем. На Червового, который оттаял душой, но всё ещё был чужим в этом мире карнавала. На Трефового, чей смех был громче всех. На Бубнового, сияющего ярче софитов.

Они были семьёй. Почти.

«Ну вот и всё», — подумал Джокер про себя, и в груди у него разлилась странная, горьковатая пустота. «Мой последний концерт. Наконец-то».

Он посмотрел на свои руки. Он мог коснуться любого из них прямо сейчас и снова стать ими. Тузом, с его холодным величием. Бубновым, с его свободой полёта. Трефовым, с его беспечной радостью. Червовым, с его тихой глубиной. Он мог быть кем угодно, кроме самого себя. Он был идеальным зеркалом, но в этом зеркале никогда не отражалось его собственное лицо.

«Я устал быть вашей тенью. Я устал быть копией».

Он выпрямился. Никто не заметил, как его пальцы сжались в кулаки.

«Я ухожу из этой группы. И больше никогда не буду чьей-то копией».

Где-то в недрах его разума, там, где даже он сам боялся искать, зрело решение. Его Код — быть копией. Но что, если переписать эту функцию? Что, если стать кем-то... Аномальным?

Его взгляд упал на старую пожелтевшую газету, приклеенную кем-то из персонала на стену гримёрки. На ней был за-

головок: «Открыт набор в Академию Реальности имени Фон
Неймана. Требуются Герои».

Джокер улыбнулся под маской. Может быть, его путь только начинается. И это будет путь не копии.

*Конец второй главы. *

Глава третья: Свобода с фингалом

Церемония награждения была грандиозной.

«Колизей Гармонии» утопал в золотом свете и конфетти. Голографические проекторы ИИ создавали над сценой гигантские фигуры победителей, транслируя их лица на весь мир. Миллиарды зрителей смотрели прямую трансляцию. Новостные дроны жужжали над трибунами, как металлические стрекозы.

Церемония награждения была грандиозной.

«Колизей Гармонии» утопал в золотом свете и конфетти. Голографические проекторы ИИ создавали над сценой гигантские фигуры победителей, транслируя их лица на весь мир. Миллиарды зрителей смотрели прямую трансляцию. Новостные дроны жужжали над трибунами, как металлические стрекозы.

На сцену вышли три команды.

Третье место — Громовой Рок. Четверо норвежцев поднялись на подиум с каменными лицами. Их лидер, огромный бородатый мужчина с Кодом «Звуковой Молот», сжимал бронзовый кубок так, словно хотел превратить его в пыль. Он ненавидел проигрывать. Но когда зал взорвался ап-

лодисментами, он нехотя поднял кубок над головой. Толпа любила их за мощь и первобытную энергию. Они всё ещё были в игре.

Второе место — Нефритовые Девы. Пять девушек из Шанхая стояли с идеальной осанкой, их серебряные кубки мерцали в лучах софитов. Они улыбались — вежливо, сдержанно, как и подобает носителям Созидającego Кода. Но в их глазах читалась горечь. Они были технически совершенны. Они создали из нефрита целый сад. Но этого оказалось недостаточно. Зрители выбрали эмоции, а не безупречность.

Первое место — Золотая Колода.

Зал взревел так, что защитные поля ИИ завибрировали, гася звуковую волну. Туз, Червовый, Трефовый, Бубновый и Джокер в своей жемчужной маске поднялись на верхнюю ступень пьедестала. Им вручили золотой кубок — тяжёлый, инкрустированный настоящими бриллиантами, символ абсолютного триумфа.

Марк Висконти, Туз, взял кубок первым. Он не улыбался. Он просто смотрел на него с холодным удовлетворением хищника, поймавшего добычу. Он поднял его над головой, и золото вспыхнуло в свете прожекторов. Карты вокруг него взметнулись вверх, создавая корону из пик, червей, трэф и бубен.

Сергей Морозов, Червовый, стоял рядом, и над его ладонью кружился крошечный снежный вихрь. Он был бледен и молчалив, но в его голубых глазах читалось спокойное удо-

влетворение. Он добился своего.

Ди-Джей Морган, Трефовый, не мог устоять на месте. Он пританцовывал, крутил медаль на шее и показывал зрителям свои фирменные жесты. Его улыбка была шире, чем весь «Колизей».

Икар Ара, Бубновый, расправил свои красно-синие крылья и взлетел на пару метров над пьедесталом. Он купался во внимании, посылал воздушные поцелуи и наслаждался каждой секундой славы.

Джокер просто стоял. Жемчужная маска скрывала любые эмоции.

Ведущий, известный шоумен с Кодом «Голос Толпы» (Сахар), позволявшим ему усиливать эмоции зрителей, подошёл к микрофону.

— И-и-и-и! Внимание! У меня особое объявление! — Его голос разнёсся по всему «Колизею». — Совет Международной Ассоциации Код-Арт-Танца только что принял решение. Контракт на Мировое Турне Победителей в этом году получают... все три призовые команды!

Зал ахнул, а потом взорвался с новой силой.

— Громовой Рок! Нефритовые Девы! И, конечно, Золотая Колода! — ведущий драматично выдержал паузу. — Вы отправитесь в турне по двенадцати странам! От Токио до Нью-Йорка! От Москвы до Рио! Это будет величайшее танцевальное шоу в истории человечества!

Громовой Рок застыл. Их лидер медленно расплылся в

хищной улыбке. Он переглянулся со своей командой. Второй шанс. Они ещё покажут, кто здесь настоящие короли сцены.

Нефритовые Девы переглянулись. Одна из них, самая младшая, не сдержала слёз радости. Они сделали это. Они едут в мировое турне.

Золотая Колода... Бубновый заорал так, что его крылья затрепетали. Ди-Джей вскинул кулак вверх. Червовый едва заметно улыбнулся. Туз кивнул, принимая новость как должное. Джокер не шелохнулся.

Гримёрка Золотой Колоды. Час спустя.

Пахло яблоками. Свежими, зелёными, чуть терпкими.

Этот запах означал только одно — пришла Розалин «Рози» Бьянки.

Она ворвалась в гримёрку, как ураган. Невысокая, плотно сбитая женщина с копной чёрных кудрявых волос, напоминающих пуделя. На ней был строгий брючный костюм, который сидел на ней как броня. В руках она держала кожаный портфель, набитый бумагами.

Рози была менеджером Золотой Колоды последние три года. Она не обладала Кодом Реальности. Никакого. Ноль. Пусто. Но её характер с лихвой компенсировал отсутствие сверхспособностей. Она говорила с таким напором и властью, что даже носители Контроля терялись. Ходили слухи, что её предки были связаны с итальянской мафией в старом Неаполе. И глядя на то, как она управлялась с делами груп-

пы, в это легко верилось.

— Так, мальчики и... девочка, — она окинула взглядом гримёрку. — Поздравляю. Вы — звёзды. Теперь слушайте сюда.

Она щёлкнула замками портфеля и достала пять пухлых папок. Контракты.

— Мировое турне. Двенадцать стран. Тридцать шесть концертов. Прямые трансляции. Мерчандайзинг. Голографические записи. И самое главное, — она сделала паузу, обводя всех взглядом, — каждый из вас после этого турне станет миллионером. Это ваш золотой билет.

Икар Ара (Бубновый) схватил папку первым, даже не читая.

— Миллионером?! — его карие глаза с золотым отливом загорелись. — Я куплю себе остров! И яхту! И статую себя в полный рост из чистого золота! Роза, ты лучшая!

Ди-Джей Морган (Трефовый) взял свою папку, пролистал и ухмыльнулся.

— Ого. Тут даже пункт про страховку моих коленей есть. Роза, ты обо всём подумала. — Он хлопнул по столу. — Я в деле! Мир увидит, как танцует Бруклин!

Сергей Морозов (Червовый) молча взял контракт. Он не смотрел на цифры. Его холодные голубые глаза пробежали по тексту, проверяя условия. Он перевёл взгляд на Марка.

— Условия те же, что мы обсуждали? — тихо спросил он.

— Да, Серёжа, те же, — Роза кивнула. — Твои сольные

номера с метелью утверждены. Никакой отсебятины от других.

Сергей едва заметно кивнул и поставил подпись.

Марк Висконти (Туз) взял контракт последним. Он даже не открыл его. Он смотрел на Розы с холодной, властной полуулыбкой.

— Ты хорошо поработала, Розы. Я это ценю. Турне будет идеальным. Я лично прослежу за каждой репетицией. Никаких ошибок.

Он подписал контракт одним элегантным движением. Его контроль над группой был абсолютен. Он знал, что они подпишут. Они всегда подписывали. Они были его инструментами, его картами в колоде. Король, Дама, Валет... и Джокер.

В углу гримёрки Джокер переоделся.

Он снял свой сценический костюм — сложную многослойную конструкцию, позволявшую быстро менять облик, — и облачился в удобную унисекс-одежду: свободные тёмные брюки, простую белую футболку и лёгкую куртку с капюшоном. На руки он натянул свои любимые розовые спортивные перчатки без пальцев. Они были яркими, почти вызывающими. Единственная вещь, которая всегда оставалась неизменной, независимо от того, чей облик он носил.

Он снял жемчужную маску.

Под ней было лицо Марка Висконти. Тот же пронзительный взгляд, те же чёрные зачёсанные назад волосы, та же ро-

динка над левой бровью. Идеальная копия. Даже голос.

Он потянулся, разминая затёкшие плечи, и небрежно, почти лениво сказал:

— Мой контракт истекает сегодня. Так что я уйду из группы.

В гримёрке повисла тишина. Такая густая, что её можно было резать ножом.

Ди-Джей замер с открытым ртом. Его рука с контрактом зависла в воздухе.

Икар моргнул, его крылья, которые он уже начал складывать, снова приоткрылись.

Сергей медленно повернул голову. Его холодные глаза сузились.

Рози уставилась на Алоху, и её карие глаза превратились в две льдинки. Она не привыкла, чтобы её планы рушились.

— Алоха Калани, — сказала она ледяным тоном, который совершенно не вязался с запахом яблок. — Ты понимаешь, что ты теряешь? Это мировое турне. Такой шанс выпадает раз в жизни. Ты станешь легендой. Ты будешь купаться в деньгах. И ты хочешь просто... уйти?

Алоха посмотрела на неё. Ее лицо — лицо Марка — выражало усталость.

— Нет, Роза. Я не хочу. Я больше не полезу в эту кабалу.

Марк резко развернулся. Его глаза вспыхнули холодным бешенством. Контроль ускользал из его рук, и он этого не переносил.

— Нет, Алоха, — процедил он сквозь зубы. — Я тебе запрещаю уходить.

Алоха посмотрела на него. Два одинаковых лица. Один — оригинал, полный ярости и власти. Второй — копия, полная спокойной решимости.

И тут копия улыбнулась. Нехорошо. Как Стич из старого диснеевского мультфильма. От уха до уха.

— Иди нах#й, Марк. Наконец-то, — выдохнула Алоха с облегчением. — Мне уже тошно от твоих слов. «Двойник. Ты должна быть зеркалом. Никакой импровизации. Ты поняла?» — она передразнила интонацию Марка с пугающей точностью. — Я тебя терпела и молчала только из-за контракта. Икару можно было делать трюки с крыльями. Ди-Джею — акробатику. Сергею — снег. А я? Я должна была просто быть твоей чёртовой тенью.

Марк побледнел от ярости.

— Ты можешь только копировать! — рявкнул он. — Без нас ты никто! Твоя задача — быть близнецом и отрабатывать номера с другими участниками группы! Ты — функция, а не артист!

Ди-Джей сделал шаг вперёд. Его обычно весёлое лицо стало серьёзным.

— Марк... это уже слишком. Полегче.

Но Марк его не слышал.

Рози вздохнула, поправила свои кудри и включила режим «босс мафии».

— Детка, ты не поняла, — сказала она, сверля Алоху взглядом. — Мы переходим на другой уровень. Теперь шоу-бизнес — это не искусство. Это война. А на войне нет места чувствам. Есть только результат. — Она указала на контракт. — Ты крупно подставишь всех, если уйдёшь сейчас. Так что не глупи. Подписывай. Забудь обиды. Деньги всё спишут.

Алоха посмотрела на контракт. Потом на Розы. Потом на Марка. Ее улыбка стала ещё шире, ещё более жуткой.

— Я повторю ещё раз. Нет. — Она взяла со стула свой старый контракт. — Я выполнила свою часть. Я отработала каждый танец. Каждую репетицию. Каждое твоё «зеркало, делай как я». Я свободна. И никакие деньги не заставят меня остаться в этой тюрьме.

Марк сорвался.

— НЕБЛАГОДАРНАЯ! — заорал он и, потеряв всякий контроль, ударил Алоху кулаком прямо в лицо.

Удар был сильным. Алоха пошатнулась. Её голова дёрнулась в сторону. Когда она повернулась обратно, на лице — на лице Марка — красовался наливающийся синяк под левым глазом. Фингал.

В гримёрке стало тихо.

Алоха медленно подняла руку и коснулась синяка. Ее улыбка стала ещё шире. Глаза блеснули.

— Ах ты... — прошептала она.

И ударила в ответ.

Кулак Алохи с хрустом впечатался в нос Марка. Кровь

брызнула на идеально белый воротник рубашки Туза. Марк с криком отшатнулся, хватаясь за лицо. Нос был сломан.

— Засунь свой кубок себе в задницу, туда, где солнце не светит, ублюдок! — прорычала Алоха с лицом Марка, залитым кровью.

Икар ахнул. Ди-Джей выронил контракт. Сергей вскочил со стула, но не двинулся с места. Он смотрел на Марка, на кровь, и в его холодных глазах мелькнуло что-то похожее на... удовлетворение?

Рози закрыла лицо рукой.

— Мадонна миа... — простонала она.

Алоха выпрямилась. Онв обвела взглядом гримёрку. Ее взгляд упал на Коко Лавр — французского стилиста группы, который вжался в угол с утюжком в руках, дрожа от ужаса.

Алоха подошëла к нему.

— Извини, Коко. На минуточку.

Она коснулся плеча стилиста.

Пять секунд. Кожа Алохи пошла рябью. Волосы изменили структуру и цвет — стали пепельными, уложенными в стильный беспорядок. Черты лица смягчились, стали более утонченными, европейскими. Рост уменьшился на пару сантиметров. Фигура стала более субтильной. На лице проступила щетина, точь-в-точь как у Коко. Но фингал под глазом остался.

Теперь в гримёрке стоял Коко Лавр с фингалом под глазом и в розовых перчатках.

Алоха улыбнулась своей жуткой улыбкой Стича на новом лице.

— Адьос, мучачос.

Она развернулась и вышла за дверь.

В коридоре его догнал Тихон — водитель группы, молчаливый здоровяк из Сибири. Он курил электронную сигарету и, казалось, вообще не удивился, увидев Коко Лавра с фингалом, выходящего из гримёрки.

— Ты куда? — коротко спросил он.

Алоха, не оборачиваясь, бросил:

— На метро. Мой дом недалеко. Час езды.

Тихон затянулся, выпустил облако пара и кивнул.

— Бывай, парень. Удачи.

Алоха подняла руку в прощальном жесте и скрылась за поворотом.

Метро Новой Гвинеи. Час спустя.

Город жил своей жизнью.

Новая Гвинея была мегаполисом, уходящим в небо. Поезд метро скользил по прозрачной трубе на высоте двухсот метров, пронзая сердце делового квартала. За окнами проплывали гигантские голографические билборды.

На одном — улыбающийся мужчина в сияющем белом плаще. Заголовок: «Герой 12: КВАНТ. Защитит. Спасёт. Внушит надежду».

На втором — реклама энергетика: «УСИЛЕНИЕ В КАЖДОМ ГЛОТКЕ. Даже без Кода будь на высоте!»

На третьем — кадры сегодняшнего концерта. Золотая Колода на пьедестале. Марк с поднятым кубком. Лица победителей.

Алоха смотрела на всё это, сидя на сиденье в полупустом вагоне. На ней была ее унисекс-одежда, розовые перчатки, лицо Коко Лавра и фингал под глазом.

Она посмотрела прямо в окно, где отражалось ее лицо. А потом... посмотрела прямо на читателя. Ее глаза встретились с невидимым взглядом сквозь страницы или экран. Она сломала четвёртую стену.

И улыбнулась. Как Стич.

— Как-то так, — сказала она тихо, ни к кому конкретно не обращаясь, но зная, что ее слышат. — Меня зовут Алоха Калани. Моя приёмная семья с Гавайев. Они нашли меня в коробке у океана, когда мне было три дня. У меня нет документов о рождении. У меня нет «оригинала».

Она вытянула перед собой руки в розовых перчатках.

— Мой Код Реальности — «Абсолютная Копия». В классификации Фон Неймана это — Аномалия. Глитч. Потому что я не просто копирую внешность или голос. Я копирую человека полностью. ДНК. Пол. Отпечатки пальцев. Рост. Вес. Болезни. Код Реальности, если он есть. Я становлюсь им на клеточном уровне.

Она помолчала, глядя на своё отражение.

— Но у этого бага есть цена. Я не могу копировать одежду. И макияж. Только самого человека. Поэтому на концертах мы использовали многослойные костюмы и маски. И... — она коснулась своего лица, лица Коко. — У меня нет собственного лица. Нет своего пола. Я всегда чья-то копия. Я — зеркало, которое не отражает ничего, когда остаётся одно.

Поезд вынырнул из тоннеля, и за окном раскинулся ночной город — море огней, парящих платформ, дронов и голограмм.

Алоха посмотрела на этот мир.

— Я не хочу быть копией. Я хочу стать собой. — Ее голос дрогнул. — Это будет мой путь.

Она замолчала. Потом вздохнула и обхватила себя руками.

— Но танцы... это всё, на что я способна. Я тренировалась с пяти лет. Я больше ничего не умею. Я теперь не знаю, куда идти.

Ее взгляд упал на новый голографический билборд, проплывающий за окном.

На нём была изображена женщина. Высокая, статная, с длинной серебряной косой и глазами цвета грозового неба. Она стояла на фоне разрушенного здания, но её поза излучала спокойную, несокрушимую силу. В одной руке она держала щит, сотканный из чистого света, в другой — меч, похожий на луч звезды.

Надпись гласила: «ГЕРОЙ 1 НОВОЙ ГВИНЕИ. ВЕЛИ-

КАЯ. НАДЕЖДА НЕ УМИРАЕТ».

Алоха замерла.

Она смотрела на этот плакат, и что-то внутри нее дрогнуло. Не осознанное желание. Не план. Просто... отголосок. Словно далёкий колокол прозвонил где-то на краю сознания.

«Великая...» — прошептала он про себя.

Поезд уносил ее в ночь, прочь от «Колизея», прочь от Золотой Колоды, прочь от жизни, в которой она была лишь чьей-то тенью.

Она ещё не знала, куда идти. Она ещё не думала становиться героем.

Но вселенная, этот чёртов Код Реальности, уже начала плести свои странные, глючные, аномальные узоры вокруг девочки с фингалом, лицом французского стилиста и розовыми перчатками.

Глава четвёртая: Бабушка с Гавайев и долбаный вторник

Ночь не была спокойной.

Новая Гвинея никогда не спала по-настоящему — город жил в ритме неоновых огней, гула парящих машин и далёких сирен. Но в эту ночь сирены выли особенно громко.

Всё началось в 3:47 утра.

Торговый центр «Кристалл-Плаза» — гигантское сооружение из стекла и стали, возвышающееся на триста метров над уровнем моря, — содрогнулся от взрыва. Это была не бомба. Это был Код Реальности. Коррупция. Разрушение. Кто-то переписывал структурную целостность несущих колонн, заставляя материю забывать, что она должна быть твёрдой.

Паника. Крики. Огонь. Обломки стекла, падающие дождём на мостовую.

Через семь минут после первого взрыва на месте уже были Герои.

Великая спустилась с неба, словно карающий ангел.

Высокая, статная женщина с длинной серебряной косой и глазами цвета грозового неба. Её плащ — белоснежный с

золотым кантом — развевался на ветру. В одной руке она держала щит, сотканный из чистого света, в другой — меч, похожий на луч утренней звезды.

Её Код Реальности назывался «Сила в вере». Усиление. Форсинг.

Её мощь росла пропорционально надежде и вере людей вокруг неё. Чем больше гражданских смотрело на неё с мольбой о спасении, тем сильнее становился её щит. Чем больше её союзников верило в победу, тем острее был её меч. Она была живым воплощением надежды, и в эту ночь надежды было много.

— Всем слушать мою команду! — её голос разнёсся над площадью, усиленный встроенным в костюм динамиком. — Сектор Альфа — эвакуация гражданских! Сектор Браво — заблокировать выходы террористам! Медикам — развернуть полевой госпиталь у восточного крыла!

Рядом с ней уже работали её люди.

Кендзи «Волшебная Кисть» — ниндзя в облегчённой чёрной броне с алыми вставками. В руках он держал длинный свиток и кисть, пропитанную светящимися чернилами. Его Код — Созидание (Генезис). Он сделал быстрый взмах кистью, и с пергамента срывался нарисованный тигр — полупрозрачный, состоящий из чёрного дыма и синих искр. Тигр с рыком бросился на одного из террористов, прижимая его к земле. Кендзи рисовал без остановки: вороны для разведки, каменные псы для защиты, огненные змеи для атаки.

Джет «Реактивный» — молодой парень в футуристическом костюме с реактивным ранцем за спиной. Его Код позволял заставлять предметы левитировать. Он носился над полем боя, поднимал в воздух обломки и аккуратно отбрасывал их в сторону, расчищая путь для эвакуации. Одновременно он координировал дронов-спасателей, которые вытаскивали людей из-под завалов.

Люсия «Медоед» — невысокая, но невероятно жилистая девушка с тёмной кожей и короткими дредами. Её Код — Мутация (Морф) . Она частично трансформировала своё тело, приобретая черты медоеда: невероятно толстую, эластичную шкуру, которую не брали ни пули, ни осколки, и когти, способные рвать сталь. Она прикрывала собой группу гражданских, пока те бежали к выходу. Осколки стекла отскакивали от её кожи, не оставляя и царапины.

И ещё с десятков других героев — Усиление, Контроль, Созидание, Мутация. Они работали как единый механизм, отточенный годами тренировок в Агентстве Великой.

Террористов было около двадцати. Их Коды в основном относились к классу Разрушения (Коррупция) и Усиления (Форсинг) . Они были фанатиками, членами культа «Чистый Ноль» — радикальной группировки, считавшей, что Код Реальности — это ошибка, которую необходимо стереть вместе с его носителями. Ирония заключалась в том, что сами они активно использовали Коды для достижения своих целей.

Бой был жестоким. Грохот разрушающихся конструкций

смешивался с криками и звоном клинков. Но Герои методично выдавливали террористов из здания, прикрывая эвакуацию.

Пока герои сражались, на восточном крыле, в зоне, обозначенной как «жёлтый сектор», кипела другая работа. Не менее важная. Не менее опасная.

Медицинская служба экстренного реагирования.

И командовала этим хаосом Кахи Калани.

Если бы кто-то, глядя на неё, сказал слово «бабушка», он бы тут же подавился этим словом. Кахи была с Гавайев, и комплекцией напоминала медведя-гризли, который много лет подряд ходил в качалку и питался исключительно гвоздями. Широкие плечи, мощные руки, седые волосы, собранные в тугий пучок, и лицо, покрытое сетью морщин, каждая из которых была заработана в боях за жизнь пациентов. На ней был белый медицинский халат, натянутый на бронежилет, и каска с красным крестом.

Она стояла посреди импровизированного сортировочного пункта и орала. Громко. Матерно. Эффективно.

— БЫСТРЕЕ, ЧЕРЕПАХИ! СОНИ! ЭТОГО — В КРАСНУЮ ЗОНУ! У НЕГО ВНУТРЕННЕЕ КРОВОТЕЧЕНИЕ! А ЭТОГО — В ЖЁЛТУЮ, ЦАРАПИНА НА РУКЕ, САМ ДОЙДЁТ! — её голос перекрывал шум сирен и грохот взрывов. — МАШИНЫ СКОРОЙ — ЗАГРУЖАЙТЕСЬ ПОЛНЫМИ! ТЯЖЁЛЫХ — В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСПИТАЛЬ!

ЛЁГКИХ — В ДЕВЯТНАДЦАТУЮ! ШЕВЕЛИТЕ БУЛКАМИ!

Врачи и медсёстры носились как угорелые. Часть бригад работала на отгрузке: закидывали раненых в машины скорой помощи, и те с воем сирен уносились в больницы. По пути парамедики уже начинали первую помощь: ставили капельницы, накладывали жгуты, вводили обезболивающее.

Но были и те, кто оставался здесь. Самые опытные. С самыми крепкими нервами. Они работали прямо под обстрелом, в паре сотен метров от линии боя. Они накладывали шины, останавливали кровотечения, проводили сердечно-лёгочную реанимацию — и всё это под аккомпанемент грохота падающих балок и криков террористов.

Кахи руководила этим балетом хаоса. Она не просто отдавала приказы — она сама хватала носилки, сама перевязывала раны, сама успокаивала перепуганных детей. Её руки, огромные и грубые, двигались с невероятной нежностью и точностью, когда она обрабатывала рану или фиксировала перелом.

И в этот момент один из террористов, загнанный в угол героями, решил устроить последний акт бессмысленной жестокости.

Он был носителем Разрушения (Коррупция) . Его Код позволял ему создавать «волны распада» — концентрированные сгустки энергии, которые заставляли материю рассыпаться в пыль.

Он увидел Кахи. Увидел, как она командует, как вокруг неё кипит работа, как она спасает жизни. И решил ударить по самому ценному.

Он вскинул руку. Между его ладонями начал формироваться шар чёрной, вибрирующей энергии. Волна распада.

— УМРИ, СТАРУХА! — заорал он.

Кахи не видела его. Она была занята — накладывала жгут молодому парню с раздробленной ногой.

Но Джет «Реактивный» увидел.

— БАБУШКА! СЗАДИ! — закричал он, пикируя вниз на своём ранце.

Он был молодым стажёром, всего три месяца в агентстве. Его реакция была инстинктивной и глупой. Он встал между Кахи и террористом, раскинув руки, готовясь принять удар на себя. Он не успевал левитировать ничего достаточно большого, чтобы заблокировать атаку. Только собственное тело.

Кахи увидела это краем глаза.

— ДУРАК! — рявкнула она.

И с невероятной для её комплекции скоростью она прыгнула на Джета. Толкнула его всем своим весом. Они вместе рухнули на землю, прокатившись по асфальту. Волна распада пронеслась над их головами, врезалась в стену за их спинами, и часть стены просто исчезла, превратившись в облако серой пыли.

Джет лежал на земле, придавленный тушей Кахи, и хло-

пал глазами. Он был жив.

— Т-тётя Кахи... — пролепетал он.

Кахи не ответила. Она вскочила на ноги с такой лёгкостью, словно весила не сто двадцать килограмм, а пятьдесят. Её глаза, тёмные и блестящие, как вулканическое стекло, нашли террориста. Тот уже готовил вторую волну.

Кахи глубоко вдохнула.

А потом выдохнула.

Из её рта вырвалось облако густого, переливающегося газа. Розового с фиолетовыми прожилками. Оно понеслось в сторону террориста с неестественной скоростью, словно управляемый ветром снаряд.

Созидание (Генезис) .

Террорист успел только удивлённо расширить глаза, прежде чем облако накрыло его с головой. Он вдохнул.

Запах цветов. Гардении. Плюмерии. Как на Гавайях в сезон цветения.

Его глаза закатились. Колени подкосились. Волна распада в его руках погасла, так и не родившись. Он рухнул на землю, мирно посапывая. Газ был усыпляющим. Проспится через день. С жуткой головной болью, но живой.

Джет, всё ещё сидящий на земле, смотрел на это с открытым ртом.

— Вы... вы носитель? — прошептал он. — У вас есть Код?!

Кахи развернулась к нему. Её лицо было красным от зло-

сти.

— А ТЫ ДУМАЛ, Я ПРОСТО ТАК ДО ШЕСТИДЕСЯТИ ЛЕТ ДОЖИЛА, ЩЕНОК?! — заорала она так, что у Джета заложило уши. — НА ГАВАЙЯХ БЕЗ КОДА И ДО СОРОКА НЕ ДОТЯГИВАЮТ! А НУ ВСТАЛ, РАЗЛЕГСЯ ТУТ КАК НА ПЛЯЖЕ!

Она схватила его за шкурку и рывком поставила на ноги.

— ЧЕГО СТОИШЬ, ГЕРОЙ НЕДОДЕЛАННЫЙ?! ПРИНЁС ЭТОГО УБЛЮДКА К НАМ! БЫСТРО! ОН ТЕПЕРЬ ПАЦИЕНТ!

Джет, всё ещё в шоке, кивнул и, используя свой Код, левитировал спящего террориста. Он подтащил его к сортировочному пункту.

Там уже суетились врачи. Один из них — молодой парень, интерн, по имени Алекс — замер, глядя на террориста. На его лице читалось отвращение и страх.

— Чего стоим?! — рывкнула Кахи, подходя. — У него сотрясение от падения и, кажется, сломано запястье! Осмотреть!

Алекс замялся.

— Но... тётя Кахи... это же террорист! Он только что пытался вас убить! И вообще... всех нас! Может, пусть полежит...

Кахи набрала в лёгкие побольше воздуха. Она сделала это так громко, что, казалось, её услышали даже на линии боя.

— ДА МНЕ, БЛ#ДЬ, ПЛЕВАТЬ, КТО РАНЕНЬИЙ! ХОТЬ

ПАПА РИМСКИЙ, ХОТЬ БЛ#ДСКИЙ АДОЛЬФ ГИТ-
ЛЕР, ХОТЬ ПРОСТО ОБОС#АНЫЙ БОМЖ С ПОМОЙ-
КИ! НАША БЛ#ДСКАЯ РАБОТА — СПАСАТЬ ЖИЗНИ!
ВСЁ! ОСТАЛЬНОЕ — ПРОБЛЕМЫ ЗЛОДЕЕВ, ГРАЖД-
АНСКИХ, ГЕРОЕВ — ИДУТ НАХ#Й! ЭТО ИХ РАБО-
ТА — РАЗЪЕБ#ТЬ ЭТО ДЕРЬМО! ЭТО НЕ НАШЕ ДЕЛО!
ТАК ЧТО, БЛ#ТЬ, ЛЕЧИ ЕГО! ИЛИ Я ТЕБЕ ТАК Ё#НУ,
ЧТО САМ НА ЭТИ НОСИЛКИ ЛЯЖЕШЬ, ПОНЯЛ?!

Вокруг наступила мёртвая тишина. Даже звуки битвы, ка-
залось, на секунду стихли, придавленные мощью этого рыка.

Алекс побледнел, потом покраснел, потом позеленел. Он
молча кивнул, схватил фонендоскоп и бросился осматривать
спящего террориста. Остальные врачи и медсёстры, которые
на секунду замерли, с удвоенной энергией вернулись к рабо-
те.

Кахи выдохнула, поправила каску и пробурчала себе под
нос:

— Молодёжь... всему учить надо...

Рассвет.

Первые лучи солнца окрасили небо над Новой Гвинеей
в розовые и золотые тона. Битва закончилась. Террористы
были либо обезврежены и переданы полиции, либо... стали
пациентами.

«Кристалл-Плаза» дымилась, но стояла. Основные кон-
струкции уцелели благодаря своевременному вмешатель-

ству героев. Пожарные дроны заливали последние очаги возгорания. Репортёры уже кружили над местом происшествия, как стервятники.

У восточного крыла Кахи Калани, сонная и злая, как потревоженный медведь, отчитывала двух провинившихся героев: Джета и какого-то парня с Кодом Усиления, который случайно обрушил не ту стену во время эвакуации.

— ...и если я ещё раз увижу, что вы, два оболтуса, бегаёте без касок в зоне обстрела, я лично привяжу вас к батарее в моём подвале и буду читать лекции по технике безопасности, пока у вас уши не завянут! Понятно?!

— Да, тётя Кахи... — хором пробубнили герои.

— Не слышу!

— ДА, ТЁТЯ КАХИ!

— То-то же. Свободны.

Герои испарились быстрее, чем дым от сигареты Тихона.

Кахи вздохнула, сняла каску и потёрла виски. Потом потянулась, и её спина издала серию громких хрустов, словно кто-то ломал сухие ветки.

— Долбаный вторник... — пробормотала она.

— Кахи.

Голос был спокойным, глубоким, с лёгким русским акцентом. Кахи обернулась.

К ней подходила Великая. Надежда Жарова. Её белоснежный плащ был испачкан сажей и пылью, серебряная коса растрепалась, но держалась она всё так же прямо и величественно.

но. Меч и щит исчезли — в них не было нужды.

— Устала? — спросила Надежда, останавливаясь рядом.
— Ну что там по жертвам?

Кахи махнула рукой, достала из кармана халата помятую электронную сигарету и затянулась, выпуская облачко пара с запахом манго.

— Двадцать пять — лёгкие ранения, — начала она деловым тоном. — Десять — средней тяжести. Двое — тяжёлые, но стабильные. Один — при смерти, но всё ещё жив... долбаный террорист. Это так, по моим прикидкам. Я не считала, кто там гражданский, кто герой, кто террорист. Потом дам полный отчёт тебе, с фамилиями и списком затраченных медикаментов.

Надежда вздохнула и посмотрела на дымящееся здание.

— Мы быстро управились. Могло быть хуже.

— Так и должно быть! — фыркнула Кахи. — Если бы вы копались, я бы потом всех вас лично убила. А сейчас... — она снова затянулась. — Я мечтаю сдать эту смену, купить бухла, напиться как свинья и заснуть на неделю. Другую. А не вот это вот всё. — Она обвела рукой хаос вокруг и папку с бумагами, которую ей уже протягивал один из администраторов. — Бумажная волокита.

Надежда возмущённо вскинула брови.

— Кахи! У тебя же дома дети живут! Внуки!

Кахи посмотрела на неё долгим, страдальческим взглядом.

— Надя, я сказала «мечтаю». Помечтать-то можно об этом? О вечном? О тишине и покое? — Она вздохнула, гася сигарету о подошву своего армейского ботинка. — Ладно, пойду. Надо ещё этого придурка с сотрясением проведать и убедиться, что Алекс его не придушил подушкой, пока я не вижу.

Она развернулась и тяжело зашагала к машинам скорой помощи, разминая на ходу затёкшую шею. Солнце поднималось всё выше, заливая светом разрушенную площадь, уставших героев, суетящихся врачей и одну невероятно злую, невероятно уставшую, но невероятно крутую бабушку с Гавайев.

Долбаный вторник подходил к концу.

*Конец четвёртой главы. *

Глава пятая: Дом, где пахнет цветами и правдой

Старый дом стоял на вершине холма, в получасе езды от сверкающего центра Новой Гвинеи, но в совершенно другом мире.

Он был построен из потемневшего от времени дерева и камня, с широкой верандой, опоясывающей весь первый этаж, и крышей из пальмовых листьев, которая шелестела на ветру, словно живая. Вокруг росли банановые пальмы, кусты гибискуса и плюмерии — белые, жёлтые, розовые цветы, источающие сладкий, тягучий аромат. С веранды открывался вид на бесконечный бирюзовый океан и полоску дикого тропического пляжа, до которого можно было дойти пешком за десять минут.

Этот дом построил дед Алохи, когда семья Калани только перебралась с Гавайев в Новую Гвинею. Здесь выросли три поколения. Здесь пахло солью, цветами и временем.

В одной из комнат на втором этаже, в кровати, застеленной ярким лоскутным одеялом, проснулась Алоха.

Она открыла глаза и уставилась в потолок, украшенный старыми голографическими наклейками с созвездиями. Тепло было после вчерашнего концерта и драки. На душе было...

странно. Пусто и легко одновременно. Как будто она сбросила тяжёлый рюкзак, который таскала годами, но ещё не привыкла ходить без него.

Она села на кровати и посмотрела в зеркало напротив.

Из отражения на нее смотрел Коко Лавр с наливающимся фиолетовым фингалом под левым глазом. Волосы пепельные, в творческом беспорядке. Черты лица утончённые, французские.

— Доброе утро, красавчик, — хрипло пробормотала Алоха голосом Коко и тут же поморщился. — Фу, нет. Так не пойдёт.

Она встала, потянулась, хрустнув суставами, и, шлёпая босыми ногами по тёплому деревянному полу, вышла в коридор.

Ей нужно было найти Кани.

Кани Калани сидела в их общей гостиной — небольшой комнате с панорамным окном на океан — и листала учебник по анатомии на голографическом планшете. Ей было шестнадцать, как и Алохе, и официально во всех документах они значились как близнецы. Разнойцевые, но близнецы. Так было проще. Так было правильно.

Она была красива той естественной, тёплой красотой, которая свойственна островитянам. Длинные, волнистые волосы цвета тёмного мёда свободно спадали на плечи. Зелёные глаза — яркие, как молодая листва после дождя. Смуглая

кожа, усыпанная веснушками на носу и щеках. На голове, чуть выше левого уха, красовался живой цветок плюмерии — белый с жёлтой сердцевинкой. Это был её знак отличия. Её маркер.

Услышав шаги, она подняла голову. И замерла.

Перед ней стоял Коко Лавр. С фингалом. В розовых спортивных перчатках без пальцев.

— Что за... — начала Кани, но Алоха уже подошла к ней. Молча. Мягко.

Она обняла её, уткнувшись носом в плечо. И в этот момент ее тело пошло знакомой рябью. Волосы удлинились, потемнели, стали волнистыми. Черты лица смягчились, стали родными. Кожа приобрела тот же оттенок, что у Кани. Зелёные глаза. Веснушки.

Пять секунд.

Теперь перед Кани стояла она сама. Только с фингалом под глазом и в розовых перчатках. И без цветка в волосах.

Кани моргнула. Потом внимательно осмотрела ее лицо. Потом осторожно коснулась пальцами синяка под глазом своей копии.

— Это что? — спросила она тихо, но в голосе уже закипала ярость. — Кто тебя тронул?

Алоха слабо улыбнулась — улыбкой Кани, но со своей фирменной хитринкой Стича.

— Всё нормально, Кани. Правда.

— Нормально?! — она вскочила с дивана. — У тебя фин-

гал на пол-лица! Ты пришёла домой в чужом лице! И говоришь, что всё нормально?!

— Тише, тише, — Алоха подняла руки в примирительном жесте. — Я в порядке. Правда. Дай мне сначала в душ сходь, а потом расскажу. Я как... не очень пахну. Вчерашний концерт, драка, метро... всё такое.

Кани скрестила руки на груди, сверля ее взглядом.

— Ладно. Иди. Но потом — всё расскажешь. И я решу, надо ли мне кого-то убить.

— Бабушка Кахи тобой гордилась бы, — усмехнулась Алоха и скрылась в ванной.

Через двадцать минут она вышла из душа, посвежевшая, в своей любимой домашней одежде — свободных шортах и старой футболке с гавайским принтом. Розовые перчатки остались на руках. Она никогда их не снимала при других. Никогда.

Она как раз вытирала волосы полотенцем, когда зазвонил телефон.

Голографический экран вспыхнул над браслетом на запястье. Имя абонента: Ди-Джей Морган.

Алоха вздохнула. Так глубоко и тяжело, как вздыхает человек, которому предстоит неприятный разговор. Она нажал «Принять».

Над браслетом появилась голограмма головы и плеч Ди-Джея. Афроамериканец выглядел уставшим. Под глазами —

тени. Он явно не спал всю ночь.

— Ну наконец-то, Алоха! — выдохнул Ди-Джей. — Почему ты заблокировала все телефоны? Марк тут чуть с ума не сошёл! Он орал, метался, чуть гримёрку не разнёс!

Алоха, продолжая вытирать волосы, спокойно ответила:

— Именно поэтому я и отключила телефон. Чтобы поспать наконец-то. Без его истерик.

Ди-Джей замолчал на секунду, вглядываясь в лицо Алохи. В лицо Кани с фингалом.

— Слушай... — он вздохнул. — Ты серьёзно хочешь уйти из группы? Вот прям совсем? Это... это из-за Марка, да?

Алоха перестала вытирать волосы. Она села на край кровати и посмотрела прямо в глаза Ди-Джею.

— Да, Ди-Джей. Из-за него. Наш Туз вообще зазвездился так, что уже невыносим. Обнаглел в край. — Она покачала головой. — Я присоединилась к вам в четырнадцать лет, потому что мне просто нравилось танцевать. Понимаешь? Просто танцевать. Двигаться под музыку. Чувствовать ритм. А шоу-бизнес... он превратил Марка в чудовище, а моё любимое занятие — в каторгу и обязанность.

Он помолчал.

— А Роза вчера очень хорошо дала понять, что я не могла уйти раньше из-за контракта. Что я — функция. Инструмент. Так что... на хрен. На хрен всё это. Я больше не рабыня этого дерьма.

Ди-Джей потёр переносицу.

— Ясно. А как же мировое турне? Ты же понимаешь, что это... шанс.

— И угрозы Марка, что он «лично проследит за каждой репетицией», — передразнила Алоха интонацию Туза. — Нет уж, спасибо. Я пас.

Ди-Джей невесело усмехнулся.

— Да уж... Марк реально идёт вразнос. К слову, Розы уже в гневе. Она думает, кем тебя заменить. Видимо, помимо Нефритовых Дев и Громового Рока были и другие команды, которые не прошли в финал. Кого-то из них могут дёрнуть.

Алоха пожала плечами.

— Ну и пусть. Это их проблемы. Мои проблемы закончились вчера, когда истёк контракт. Единственное, что я хочу — чтобы мне выплатили деньги за вчерашний концерт. Всё честно. Я отработала.

Ди-Джей кивнул.

— Ладно. Я понял тебя. Я... я не злюсь, Алоха. Правда. Ты мой брат, несмотря , что ты девочка. Жаль, что так вышло. Но я тебя понимаю. Ещё созвонимся, окей?

— Окей. Спасибо, Ди-Джей.

Экран погас.

Алоха выдохнула и откинулась на кровать. Но долго лежать ей не дали.

— АЛОХА! — дверь распахнулась, и в комнату влетел маленький ураган по имени Мано. Пятилетний брат с копной чёрных кудрявых волос и огромными карими глазами.

Он забрался на кровать и устался на Алоху. На ее лицо. На фингал.

Мано нахмурился. Его маленькие бровки сошлись на переносице.

— Тебя обижают? — спросил он очень серьезно.

Алоха рассмеялась. Искренне, звонко, голосом Кани.

— Не переживай, маленький вождь, — она потрепала Мано по волосам. — Я ему уже нос сломала.

Глаза Мано расширились. В них загорелся восторг.

— Правда?!

— Правда. А теперь пошли завтракать. Бабушка бы нас убила, если бы узнала, что мы пропускаем приём пищи.

Он подхватил Мано на руки, и они вместе спустились на кухню.

Кухня в доме Калани была сердцем дома. Большая, светлая, с длинным деревянным столом, за которым собиралась вся семья. Пахло свежим хлебом, манго и кофе.

За столом уже сидели.

Отец — Калео Калани. Крупный мужчина с добрыми глазами и руками, которые умели и вправлять кости, и готовить лучшие гавайские тосты с авокадо. Он был врачом, как и его мать, Кахи. Его Код Реальности назывался «Взгляд ночи» — Вспомогательный (Сахар). Когда человек смотрел ему прямо в глаза, его начинало неудержимо клонить в сон. Очень полезная способность для врача, работающего с буйными па-

циентами. Или с детьми, которые не хотят спать. Калео редко использовал свой Код, но когда использовал — делал это мягко и незаметно.

Мать — Леа Калани. Женщина с тёплой улыбкой и серебряными нитями в тёмных волосах. Она была обычным человеком. Без Кода. Ноль. Пусто. Но именно она держала этот дом, этот сад, эту семью в равновесии. Она работала на пляже — держала небольшое кафе для серферов и туристов. Готовила лучший поке на всём побережье.

Кани уже сидела за столом, ковыряясь в тарелке с фруктами. Её Код — «Сонный песок» — Созидание (Генезис). Она могла из ладоней создавать розово-фиолетовый песок, который пах цветами и усыплял любого, кто его вдохнёт. Точь-точь как у бабушки Кахи, только в форме песка, а не газа. Она училась в медицинском классе и мечтала пойти по стопам отца и бабушки.

Алоха вошла, держа Мано на руках, и все взгляды устремились на нее.

На ее лицо. Лицо Кани. С фингалом.

Леа ахнула. Калео напрягся, его хорошие глаза потемнели. — Алоха, — медленно произнёс отец, откладывая тост. — Что случилось?

Алоха усадила Мано на его стульчик, пододвинула ему тарелку с нарезанными фруктами и села сама.

— Долгая история. Короче...

Но Мано ее перебил, с восторгом глядя на родителей:

— А мы смотрели, как Алоха танцует по телевизору! Она был в маске! Это правда, что ты поедешь по разным странам, сестрёнка Алоха?

Повисла пауза.

Калео кашлянул.

— Вообще-то... мы как раз хотели об этом поговорить. О турне. Там в новостях сказали, что Золотая Колода едет в мировой тур.

Алоха взяла с тарелки кусочек папайи и отправила в рот. Прожевала. И только потом спокойно сказала:

— Нет. Я не еду. Мой контракт закончился вчера. Я ушла из группы.

Тишина.

Леа прижала руку к губам. Калео замер.

— А фингал... — Алоха небрежно махнула рукой. — Это Марк поставил. За такое решение. Ему не понравилось, что я ухожу.

Кани взорвалась.

— ЧТО?! — она стукнула ладонью по столу так, что чашки подпрыгнули. — ЭТОТ САМОДОВОЛЬНЫЙ ПАВЛИН УДАРИЛ ТЕБЯ?! ДА Я ЕГО! ДА Я ЕМУ, ЕГО ЖЕ КАРТАМИ ЗАСТАВЛЮ ПОДАВИТЬСЯ! ПУСТЬ ТОЛЬКО ПОПАДЁТСЯ МНЕ НА ГЛАЗА! Я ЕГО УСЫПЛЮ И СКИНУ В ОКЕАН!

Она была так похожа в этот момент на бабушку Кахи, что Калео невольно улыбнулся, несмотря на всю серьёзность си-

туации.

Алоха улыбнулась своей фирменной улыбкой Стича — широкой, немного жутковатой, но искренней.

— Сестрёнка, — сказал она ласково, — ты правда думаешь, что я оставила Марка без наказания? Я так хорошо его ударила, что сломала ему нос. Кровь была повсюду. Очень... живописно.

Кани замерла. Потом медленно села обратно. На её лице расцвела довольная улыбка.

— Хорошо. Молодец. Горжусь.

Леа посмотрела на мужа и тихо, почти обречённо, сказала:

— Калео... наши дети пошли в твою мать.

Калео усмехнулся и покачал головой. Потом снова стал серьёзным.

— Алоха, — он посмотрел на дочь. — Ты не пожалеешь? Мировое турне... такое выпадает раз в жизни.

Кани фыркнула:

— Пап! Чтобы Марк и Роза ещё больше эксплуатировали мою сестру? Чтобы она была их марионеткой? Пойдут они нафиг!

Алоха благодарно посмотрела на сестру и кивнула:

— Да. Мне уже давно не нравилось у них танцевать. Сначала было весело. Музыка, движения, драйв. Но потом... они хотели идеальную копию. Машину. А я хочу быть собой. Не чьей-то тенью. Собой.

Леа встала, обошла стол и крепко обняла дочь со спины.

— Мы рядом, — прошептала она ей в макушку. — Всегда. Но... чем ты теперь будешь заниматься?

Алоха вздохнула, откинувшись на спинку стула.

— Мне семнадцать лет. Думаю, сначала отосплюсь как следует. Неделю. Или две. Потом... доучусь в школе. А когда буду учиться, подумаю, куда мне податься в будущем. А куда — чёрт его знает. Я, кроме профессионального танца, ничего и не умею.

Она замолчала, глядя в свою тарелку. Будущее казалось огромным, тёмным океаном, в который нужно было плыть, не зная, где берег.

Завтрак закончился. Жизнь пошла своим чередом.

Калео уехал в больницу — у него была дневная смена. Леа отвезла Мано в детский сад и отправилась в своё кафе на пляже. Кани ушла в школу, чмокнув сестру в щёку и пообещав принести ей домашнее задание.

Дом опустел.

Алоха поднялась в свою комнату, задёрнула шторы, чтобы солнечный свет не мешал, залезла под лоскутное одеяло и закрыла глаза.

Она всё ещё был копией Кани. С фингалом. В розовых перчатках.

Ей было семнадцать. Она только что ушла из лучшей танцевальной группы мира. Она не знала, что делать дальше.

Но сейчас это было неважно.

Сейчас было важно только одно — спать. Спать долго, глубоко, без снов о картах, снеге, крыльях и чужих лицах. Спать, зная, что она наконец-то свободна.

Дом на холме дышал покоем. Океан шептал свою вечную песню. Плюмерии благоухали за окном.

Алоха Калани спала мёртвым сном.

*Конец пятой главы. *

Глава шестая: Эксперимент 626 и разговор на кухне

Под вечер пошёл дождь.

Не ливень, не гроза — лёгкий, тёплый тропический дождик, который шелестел по пальмовым листьям и заставлял цветы плюмерии блестеть, словно покрытые лаком. Солнце ещё не село, и сквозь пелену дождя пробивались косые золотые лучи, окрашивая мир в медовые тона.

В доме было тихо. Только мерное тиканье старых настенных часов с кукушкой — дедушкиного наследства — нарушало покой.

В своей комнате на первом этаже спала бабушка Кахи. Она вернулась под утро, злая, уставшая, пахнущая гардениями и антисептиком. Алоха, проснувшись ближе к обеду, нашла её на кухне — она молча пила чёрный кофе и смотрела в одну точку. Она рассказала ей всё. Про концерт. Про победу. Про уход. Про драку. Про сломанный нос Марка.

Кахи выслушала молча. Потом допила кофе, грохнула кружкой по столу и сказала только одно:

— Молодец. Горжусь.

А потом ушла спать.

Теперь она спала мёртвым сном, даже не сняв верхнюю

одежду, и её храп был похож на далёкие раскаты грома.

Алоха лежала в своей комнате на втором этаже. На полу. Звёздные наклейки на потолке уже не светились — они выцвели за много лет. Она смотрел в них и думала.

Она не знала, что делать.

Пустота внутри была огромной. Раньше каждый ее день был расписан: школа, репетиции, тренировки, концерты. У неё не было времени думать. Теперь времени было сколько угодно — и это пугало.

Над браслетом вспыхнул голографический экран. Входящее сообщение.

Рози Бьянки.

Алоха поморщилась, но открыла.

Рози: Скоро переведу 160 000 \$. За вычетом налогов и штрафа за срыв гастрольного графика.

Алоха нахмурилась. Она села, скрестив ноги, и быстро напечатала ответ.

Алоха: Где ещё 170 000 \$? Мой контракт был на 330 000 \$ за финал.

Ответ пришёл почти мгновенно.

Рози: Переведу, если передумаешь уходить из группы.

Алоха фыркнула.

Алоха: Ага. После того как Марк мне фингал поставил? Мило, но я пас.

Несколько секунд экран молчал. Потом появилось новое

сообщение, и Алоха буквально услышал голос Розы в своей голове — сладкий, с лёгкой хрипотцой, обволакивающий.

Розы: Цена снижена из-за того, что ты спровоцировала драку. И очень хорошо подставила всех с уходом, когда у нас тур на носу. Приходится искать замену в последний момент. Фанаты будут в шоке. А СМИ будут травить вопросами, почему самый таинственный участник ушёл из группы после такой победы.

Алоха прищурилась. Она знала этот тон. Розы переходила в режим «босс мафии».

Следующее сообщение подтвердило ее догадки. Тон стал ещё мягче, ещё опаснее.

Розы: С твоим уходом, Алоха, ты можешь поставить крест на шоу-бизнесе. Могут пойти очень нехорошие слухи. О тебе. О твоём... поведении. О твоей неблагодарности. Индустрия тесная. Все всё узнают.

Алоха замерла. Ее пальцы зависли над голографической клавиатурой.

Она не была наивной. Она знала, как работает шоу-бизнес. Знала, что Розы может устроить ей «чёрную метку». Знала, что слухи могут разрушить репутацию быстрее, чем волна распада — бетонную стену.

Но она также кое-что знала о Розы. И о себе.

Ее пальцы опустились на клавиши. Быстро. Уверенно. Автоматически она сделала скриншот всей переписки — жест, въевшийся в мышечную память ещё со времён первых сты-

чек с Марком.

Алоха: Рози, я думала, что хороший скандал поднимет вам хайп. Ведь так работает шоу-бизнес?

Пауза. Она выждала ровно три секунды и добавила. Тон — мягкий, почти нежный. Как у неё. Но с ледяным подтекстом.

Алоха: И знаешь... как ни странно, моя семья связана знакомством с героями. А у героев есть знакомые — очень хорошие адвокаты. А ещё у меня есть умение копировать договоры. И кто знает, какие ещё компрометирующие материалы я имею на руках?

Экран замер.

Минуту. Две.

Алоха видела, что Рози печатает. Потом останавливается. Потом снова печатает.

Наконец пришло короткое:

Рози: Поняла.

И всё. Больше ничего.

Алоха выдохнула и отключила сообщения. Откинулась обратно на пол и уставилась в потолок. Сердце колотилось как бешеное. Она только что угрожал Рози Бьянки. Женщине, которую за глаза называли «Крёстной матерью танцевального шоу-бизнеса». И, кажется, выиграла этот раунд.

Но радости не было. Только усталость.

Дверь тихо скрипнула.

— Эксперимент 626 грустит?

Алоха скосила глаза. В дверях стояла Кани. Она уже переоделась в домашнее — свободная футболка и шорты. Цветок в волосах был свежим, ярко-розовым.

Алоха, не вставая, схватила с кровати подушку и метнула в неё.

— Помолчи, Мёртл Эдмондс.

Кани ловко увернулась, и подушка пролетела мимо, врезавшись в стену.

— Эй! — возмутилась она. — Я не Мёртл! Я — Лило!

— Ага, конечно, — буркнула Алоха, но в её голосе уже слышалась улыбка. — Лило не называла бы свою сестру Экспериментом 626.

— Ещё как называла бы. Просто в мультике вырезали.

Алоха фыркнула, села и потёрла лицо ладонями.

— Пошли на кухню, — сказала она, поднимаясь. — Бабушка спит. У неё была тяжёлая смена. Не хочу её будить.

— О, я слышала про теракт в новостях, — Кани нахмурилась. — Бабушка там была?

— В самом эпицентре, судя по её настроению. Пойдём.

Они спустились на кухню. Алоха достала из шкафа большую миску с домашними снеками — сушёное манго, банановые чипсы, орехи в меду, — поставила на стол и села. Кани села напротив.

Некоторое время они просто ели в тишине. Дождь барабанил по крыше. Часы тикали. Бабушка храпела за стеной.

Кани первой нарушила молчание:

— Я очень рада, что ты ушла из группы.

Алоха кивнула, дожёвывая чипсу.

— Я тоже. Но... — она вздохнул. — Я не знаю, что делать дальше. Танцы были всем. А теперь... — она развела руками. — Нам в этом году выпускаться из школы. А я понятия не имею, куда поступать. Кем быть. Что делать.

Кани задумалась, покрутила в пальцах сушёное манго.

— Может, тебе помогать людям? Твой Код как раз на это заточен. Ты можешь стать кем угодно. В прямом смысле. — Она хрустнула орехом. — Например, врачом. Как папа и бабушка. Ты могла бы копировать лучших хирургов мира. Делать сложнейшие операции.

Алоха поморщилась

— Нет. Кровь, кишки, страдания... Я не смогу. Не моё.

— Полиция? Спасатели? Пожарные?

Алоха покачала головой.

— Не с моим характером, Кани. Я — хаос с моторчиком. Я люблю всё крушить и смеяться как псих. Представляешь меня в форме, который делает «хороший полицейский, плохой полицейский»? Я бы сама себя арестовала через пять минут. Или подожгла бы участок. Случайно. Наверное.

Кани прыснула.

— Ну да, есть такое.

Она снова задумалась. Потом её зелёные глаза загорелись.

— А может... тебе стать супергероем?

Алоха замерла с чипсой у рта.

— Чего?

— Героем! — Кани подалась вперёд. — Ну смотри! У тебя уникальный Код. Аномалия. Ты можешь копировать вообще кого угодно. Представляешь, как это полезно в бою? Копируешь сильного злодея — и дерёшься с ним на равных. Копируешь быстрого героя — и спасаешь людей. Копируешь кого-то с невидимостью — и проводишь разведку. Ты — универсальный солдат!

Алоха медленно опустила чипсу. Она посмотрела на стену, где висело большое семейное фото. Они все там были: бабушка Кахи, молодая и грозная, держащая на руках маленького Калео. Отец и мать в день свадьбы — счастливые, смеющиеся. Кани с цветком в волосах. Мано — совсем кроха. И она, Алоха... в тот день она скопировала Кани, потому что не знала, как выглядит «она сама». На фото они стояли как близнецы, и никто не мог отличить их, кроме как по розовым перчаткам на ее руках.

Любящая, но небогатая семья. Старый дом, который постоянно требовал ремонта. Отец, работающий на двух ставках. Мать, чьё кафе едва сводило концы с концами в сезон дождей. Бабушка, которая в свои годы всё ещё носилась под обстрелами, потому что пенсии не хватало.

Алоха посмотрела на свои розовые перчатки.

— Стану героем, — сказала она тихо. Потом громче. — Я стану героем.

Кани удивлённо моргнула.

— Правда?

— Да. — Алоха улыбнулась своей фирменной улыбкой Стича. — Как ни крути, хорошим героям много платят. Особенно если ты в топе и рейтингах. А я... — она хрустнула костяшками пальцев, — я умею быть в топе. Если я чему-то и научилась у Марка, так это тому, как побеждать.

Кани смотрела на нее с растущим восторгом.

— Ты серьёзно? Ты хочешь поступить в Академию Реальности? Стать профессиональным героем?

— Да. — Алоха кивнула. — У меня нет своего лица. Нет своего «я» в зеркале. Может... может, став героем, я наконец пойму, кто я такая. Не копия. Не тень. А... я.

Кани вскочила и обняла ее крепко-крепко.

— Я знала! Я знала, что ты найдёшь свой путь!

— Эй, эй, полегче, Мёртл, — проворчала Алоха, но обняла её в ответ. — Я ещё даже не поступила.

— Поступишь. Ты — Алоха Калани. Ты — аномалия. Ты — моя сестра. У тебя всё получится.

За стеной бабушка Кахи перевернулась на другой бок, что-то пробормотала во сне — кажется, про «долбаный вторник» и «бумажную волокиту», — и снова захрапела.

Дождь за окном стихал. Последние лучи заходящего солнца пробились сквозь тучи и залили кухню золотым светом.

Алоха смотрела на семейное фото, и в ее груди, там, где ещё утром была только пустота, теперь росло что-то новое.

Тёплое. Живое.

Цель.

*Конец шестой главы. *

Глава седьмая: Двести тридцать тысяч причин для гордости

Солнце уже почти село, когда с улицы послышался шум подъезжающего старого электромобиля. Хлопнули дверцы. Детский голос Мано что-то радостно защебетал.

Алоха и Кани переглянулись. Родители вернулись.

Через минуту входная дверь распахнулась, и в дом ворвался Мано. За ним вошли Леа с уставшей, но тёплой улыбкой, и Калео, который нёс два пакета с продуктами.

— Мы дома! — объявил Мано, скидывая сандалии. — Алоха! Кани! Вы где?

— На кухне, маленький вождь! — отозвалась Алоха.

Семья собралась на кухне. Леа начала разбирать продукты. Калео налил себе стакан воды и сел за стол. Мано забрался на колени к Кани.

Кани, которая всё это время о чём-то сосредоточенно думала, вдруг нахмурилась. — Алоха, — сказала она медленно. — Я тут подумала... Академия Реальности — это же платное обучение. Очень платное.

— Она закусила губу. — Боюсь, что у нас не хватит денег оплатить две академии сразу. Геройскую для тебя и Медицинскую для меня. Даже с папиной скидкой как сотрудника

больницы...

Алоха — всё ещё с лицом Кани, с фингалом под глазом и в розовых перчатках — хитро улыбнулась. Той самой улыбкой Стича.

— О, не переживай, сестрёнка, — протянула он.

Этот разговор услышали родители.

Калео отставил стакан и внимательно посмотрел на дочь.

— Алоха, ты хочешь пойти в герои? — спросил он серьёзно. — Это очень серьёзное решение.

Леа, раскладывая фрукты в вазу, обернулась.

— Но, насколько я помню, в Академии Реальности есть скидки от учебного заведения, — сказала она задумчиво. — Если ты талантлив, у тебя сильный Код и хорошие оценки в школе... Но даже со скидкой это дорого. Очень дорого.

Калео кивнул.

— Да. Не проблема в деньгах. Проблема в их количестве. Обучение в Академии Реальности стоит около семидесяти тысяч в год. А учиться три года. Плюс экипировка, страховка, проживание, если не заселят в кампус... — Он вздохнул и потёр переносицу. — Я возьму дополнительные смены. Что-нибудь придумаем.

И в этот момент его браслет пиликнул.

Калео машинально взглянул на голографический экран. Входящее сообщение от банка.

Зачисление на счёт: 230 000 \$ Отправитель: «Golden Deck Entertainment» Назначение: Гонорар по контракту 07-АК

Калео замер. Его глаза расширились. Он медленно снял очки, протёр их, снова надел и уставился на экран.

— Что там, пап? — спросила Кани.

— Я... — Калео сглотнул. — Мне только что... перевели... двести тридцать тысяч долларов.

В кухне повисла мёртвая тишина.

Леа выронила манго. Оно шлёпнулось на пол и покати-лось под стол.

— СКОЛЬКО?! — хором воскликнули Кани и Леа.

Мано, не понимая, что происходит, но чувствуя напряже-ние, спросил:

— Это много? Можно мне новую игрушку?

В этот же момент браслет Алохи пиликнул. Она взглянула на экран. Сообщение от Розы.

Розы: Я перевела деньги. Полная сумма. Включая налоги и твои штрафы. К слову... я просто намекну. Если вернёшь-ся в группу, будешь получать намного больше. И твоя семья будет жить безбедно. Подумай.

Алоха прочитала. Улыбнулась. И написала короткий от-вет:

Алоха: Нет, спасибо, Розы.

Потом подняла голову и увидела, что вся семья смотрит на неё. Калео — с подозрением. Леа — с тревогой. Кани — с шоком. Мано — с любопытством.

— Это не мошенники? — спросила Леа. — Калео, про-верь, это точно не обман?

— Отправитель — «Golden Deck Entertainment», — медленно произнёс Калео. — Это... компания Розы. Та самая, с которой у Алохи был контракт. Но... — он посмотрел на дочь. — Двести тридцать тысяч? Это огромные деньги, Алоха. Откуда?

Алоха вздохнула и отложила телефон.

— Не переживайте. Это всего лишь мой гонорар.

— ТВОЙ ЧТО?! — Кани вскочила, чуть не уронив Мано.

Алоха подняла руки в примирительном жесте.

— По контракту всё честно. Мы участвовали в финале «Колизея Гармонии». Трансляцию смотрели миллиарды зрителей по всему миру. Мы выиграли главный кубок. Только поэтому я и терпела этого... — она бросил взгляд на Мано и осёкся. — ...этого очень плохого лидера.

Кани не выдержала. Она бросилась на сестру и сжала ее в удушающих объятиях.

— ТЫ ЗАРАБОТАЛА ДВЕСТИ ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧ?!

— заорала она ей в ухо.

— Алоха богатая! — закричал Мано и тоже прыгнул на него, присоединяясь к «душению».

Алоха запищала, как мышь, на которую наступили.

— Вы меня... убьёте... воздух... мне нужен... воздух...

Кани и Мано отпустили ее. Алоха шумно вдохнула, потирая шею.

— Ну вы и звери.

Она посмотрела на отца и мать. Леа стояла, прижав руки

к щекам. Калео всё ещё смотрел на экран браслета, словно не веря своим глазам.

— Этих денег хватит, — тихо сказала Алоха. — На учёбу мне и Кани. На ремонт дома. На то, чтобы год или два жить спокойно, не думая о деньгах.

Леа всхлипнула. Калео медленно встал из-за стола, подошёл к дочери и молча обнял ее. Крепко. По-мужски. Леа присоединилась, обнимая обоих. По её щекам текли слёзы — счастливые, тёплые.

— Дочка... — прошептала она. — Ты... ты даже не представляешь...

— Представляю, мам, — тихо ответила Алоха. — Я всё представляю.

Кани шмыгнула носом и отвернулась, чтобы никто не видел, как у неё блестят глаза. Мано, всё ещё не понимая, что происходит, радостно обнимал ногу Алохи.

Когда объятия разомкнулись, Калео откашлялся и снова стал серьёзным.

— Алоха, — сказал он, глядя дочери в глаза. — Это большие деньги, и я горжусь тобой. Очень горжусь. Но... ты правда хочешь пойти в герои? Это не просто работа. Это...

— Кишки, кровь, дерьмо и смерть над головой, — закончил за него скрипучий голос.

Все вздрогнули и обернулись.

В дверях кухни стояла бабушка Кахи.

Она проснулась. Переделась в чистый халат. Её седые во-

лосы были распущены и торчали во все стороны, словно одуванчик после урагана. Глаза — красные, но цепкие. Видимо, она только недавно встала.

— Бабушка! — радостно закричал Мано.

Кахи вошла на кухню, налила себе остатки холодного кофе из турки, сделала глоток и поморщилась.

— Алоха, — сказала она, не оборачиваясь. — Забудь про геройскую академию. У нас нет денег на обучение героев. Это стоит бешеных бабок.

Кани выпрямилась.

— Но бабушка Кахи! У нас есть деньги! Алоха получила гонорар! Двести тридцать тысяч долларов!

Кахи подавилась кофе. Она закашлялась, стукнула себя кулаком в грудь, отдышалась и уставилась на внучку.

— НЕ Х#Я СЕБЕ!

— МАМА! — возмущённо воскликнул Калео. — Не матерись при детях!

Кахи посмотрела на Мано. Потом вздохнула, подошла к младшему внуку и аккуратно прикрыла его уши своими большими ладонями.

— Так, — сказала она уже тише, но всё ещё с напором. — Алоха. Тебе реально заплатили так много?

Алоха кивнула.

— Да. Но по контракту мне должны были триста тридцать тысяч. А менеджер Розы урезала сумму и дала штраф за то, что я сломала нос Марку.

Кахи убрала руки с ушей Мано. Её глаза опасно сузились.

— Вот сучка пудельная.

— МАМА! — хором воскликнули Калео и Леа.

Алоха усмехнулась.

— Ага. Она ещё хотела надавить. Сначала перевела сто шестьдесят тысяч. С вычетом налогов и штрафа за срыв гастрольного графика. А остальные сто семьдесят — только если я вернусь в группу.

Кани сжала кулаки.

— Вот тварь редкая!

— Кани! — Леа всплеснула руками. — Хоть ты не ругайся! Кахи фыркнула.

— Не оскорбляй тварей, внучка. Они по сравнению с этой сучкой — милейшие создания.

Калео тяжело вздохнул, но не стал спорить.

— Да, Розы — ещё тот индивид.

Кахи отпустила Мано, который тут же побежал к Кани. Она подошла к столу, села напротив Алохи и сложила руки на груди.

— Значит, в герои собралась, — сказала она. Это был не вопрос.

Алоха кивнула.

— Да.

— Это опасная и серьёзная работа, внучка. Это не танцы на сцене под аплодисменты. Там стреляют. Там убивают. Там умирают.

— Я знаю.

Кахи долго смотрела ей в глаза. В зелёные глаза, которые сейчас были точной копией глаз Кани. Она смотрела не на лицо — она смотрела внутрь. В самую суть.

И она увидела. Увидела, что Алоха не отступит. Что она готова пройти через огонь, воду и медные трубы. Не ради славы. Не ради денег. А ради семьи. Ради этого старого дома. Ради того, чтобы у Мано было будущее. Ради того, чтобы у Кани была возможность учиться. Ради того, чтобы родители наконец выдохнули.

Кахи вздохнула. Тяжело. Как паровой котёл, сбрасывающий давление.

— Что ж. Будет так. Весь этот год я буду лично готовить тебя к поступлению в Академию Реальности. — Она подняла палец, не давая ей возразить. — Если выдержишь и не сломаешься — тогда поверю, что сможешь стать героем. И отпущу. Зная, что ты не помрёшь в первую же неделю и не убьёшь случайно гражданского, когда будешь кого-то спасать.

Калео прикрыл глаза и тихо пробормотал себе под нос:

— Поэтому я и не хотел, чтобы Алоха шла в герои...

Алоха выпрямилась и твёрдо посмотрела на бабушку.

— Договорились, бабушка Кахи.

Кахи хмыкнула.

— А я твоего мнения не спрашивала. Я поставила перед фактом, внучка. — Она перевела взгляд на Кани. — И тебя, Кани, это тоже касается. Я вас обоих буду учить. Как спасать.

Как оказывать первую помощь. Как не сдохнуть и не дать сдохнуть другим.

Кани побледнела.

— Меня-то за что? Я в медицинский собираюсь! Там не стреляют!

— В медицинском, — отрезала Кахи, — стреляют ещё как. Просто стреляют не пулями, а диагнозами. И умирают не от ран, а от ошибок. Будешь знать, как жгут накладывать и как сердце запускать. Пригодится.

Калео поднял руку, как примерный ученик в школе.

— Мама...

Кахи перевела на него тяжёлый взгляд.

— Вопросы?

Калео вздохнул.

— Нет. Только... мама, не забудь, что они твои внуки. А не младший медперсонал.

Кахи улыбнулась. И от этой улыбки даже у Калео по спине пробежал холодок.

— Не переживай, сынок. Я не буду нежна, как с моими работниками. — Она посмотрела на Алоху и Кани, и её улыбка стала ещё шире. — Эти двое пройдут более тяжёлые курсы.

Алоха и Кани переглянулись. В их глазах читалась паника. Мано, ничего не понимая, радостно захлопал в ладоши.

— Бабушка будет учить! Ура!

Леа тихо вздохнула и пошла поднимать упавшее манго.

Поздно вечером, когда все разошлись по комнатам, Алоха лежала в своей кровати и смотрела на выцветшие звёздные наклейки на потолке.

За окном стрекотали цикады. Океан шептал свою вечную колыбельную. Где-то внизу бабушка Кахи гремела посудой, готовя себе четвёртую кружку кофе.

Алоха улыбнулась.

Она сделала это. Она заработала деньги. Она помогла семье. Она выбрала путь.

Впереди был год ада под руководством бабушки Кахи. Впереди была Академия Реальности. Впереди была неизвестность.

Но впервые за долгое время Алоха Калани чувствовала, что идёт в правильном направлении.

Глава восьмая: Воскресни, бабушка, воскресни

Утро выдалось солнечным и влажным — типичное утро в Новой Гвинее. Птицы орали так, будто их резали, волны лениво накатывали на пляж внизу, а в доме пахло кофе и подгоревшими тостами.

Алоха стояла перед зеркалом в прихожей и поправляла школьную форму — белую рубашку и тёмно-синие брюки свободного кроя. На руках, как всегда, розовые спортивные перчатки без пальцев. На лице — лицо Кани, с зелёными глазами и веснушками. Фингал под глазом уже почти сошёл, превратившись в желтоватое пятно.

Она глубоко вздохнула.

— Как давно я не был в школе, — пробормотала он, глядя на своё отражение.

Рядом появилась настоящая Кани — в такой же форме, только юбка вместо брюк. В волосах красовался свежий белый цветок плюмерии.

— Это да, — вздохнула она, поправляя лямку рюкзака. — У тебя же постоянно репетиции были. Ты появлялась раз в две недели, не чаще.

Алоха фыркнула.

— Ага. И приходилось учиться сразу после репетиций, в двенадцать ночи, по электронке сдавать экзамены. Весело было.

— У тебя очень странное представление о веселье, сестра.

— У нас в семье у всех странное представление о веселье.

Гены бабушки Кахи.

Кани не нашлась, что возразить.

Школа называлась «Старшая школа Побережья 4» и выглядела точь-в-точь как американские школы из старых голливудских фильмов. Длинные коридоры, ряды металлических шкафчиков, широкое футбольное поле за главным корпусом, флагшток с флагом Новой Гвинеи.

Но стоило присмотреться — и становилась заметна тонкая фантастика нового мира.

По коридорам бесшумно скользили роботы-уборщики модели «Скребок-7» — небольшие дискообразные машины, которые всасывали пыль и протирали полы. На дверях классов вместо обычных замков мерцали электронные панели, считывающие ученические браслеты. Шкафчики открывались не ключами, а сканером отпечатка пальца. На потолке висели голографические проекторы, транслирующие расписание и школьные новости.

Обычная школа. Для обычных детей. Не для богатых. Но даже здесь будущее просочилось в каждую щель.

Алоха и Кани шли по коридору, и на них оборачивались.

— О, глянь! Близнецы Калани!

— Алоха вернулась! Сто лет не видели!

— А я думал, она вообще на домашнем обучении...

— У неё фингал? Или у него? Я вечно путаю...

— Смотри на перчатки и цветок, debil.

Ирония ситуации заключалась в том, что никто в школе не знал, что Алоха — это Джокер. Для всех она был просто Алоха Калани, сестра-близнец Кани. Или брат-близнец. В зависимости от того, как она себя вела и кого скопировала.

Алоха покосилась на читателя, ломая четвёртую стену, и тихо, так, чтобы слышал только «тот, кто смотрит», сказал:

— К слову, по документам у меня пол женский. Но чаще всего ко мне обращаются как к парню. Или пацанке. Из-за характера. — Она пожал плечами. — Мне без разницы, если честно. Называйте как хотите. Я — это я.

Кани ткнула ее локтём.

— Ты опять с кем-то невидимым разговариваешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.